

ГЛАВА ВТОРАЯ

КУЛЬТУРА РАННЕГО РОДОВОГО ОБЩЕСТВА

Скачок в развитии первобытного общества. Ориньяко-солютрейская культура. Завершение процесса антропогенеза и возникновение рас. Прогресс техники. Использование кости и рога. Возникновение составного орудия. Прогресс хозяйства. Развитие охоты. Возникновение жилища и одежды. Образование родовой общины. Возникновение изобразительного искусства и религии. Тасманийцы как представители раннеродового общества.

Стадный период может быть назван детством человечества. Вслед за тем наступает пора возмужания. Человечество делает сразу громадный шаг вперед. Действительно, прослеживая дальнейшее развитие первобытного человечества по археологическим данным, мы встречаемся в памятниках, непосредственно следующих за знакомыми нам культурами нижнего палеолита, с замечательной картиной крутого, мощного подъема, своего рода скачка в развитии всех областей культуры: техники, хозяйства, организации общества и идеологии. Этот знаменательный рубеж в истории первобытного человечества представлен ориньяко-солютрейской культурой (по названию двух местностей во Франции). Памятники этой культуры обнаружены по всей Европе, в Северной Африке, местами и в Азии. На территории СССР данная культура представлена стоянками в Костенках, Гагарине и Боршеве на Дону, в Бердыже на Соже, в Сюрени в Крыму, в Мальте в Сибири и др.

Ориньяко-солютрейская культура знаменуется прежде всего тем, что на ее стоянках найдены ископаемые представители нового важнейшего звена в развитии человека. Это человек значительно ушедший вперед от неандертальца и вместе с тем по всем своим физическим чертам вполне приблизившийся к современному человеку. Надбровные валики исчезли, лоб прямой, подбородок выступает вперед, строение всего костяка говорит о совершенном прямохождении, наконец, вместимость черепной коробки — около 1600 см³, т. е. соответствует среднему современному человеку. Итак, произошло крупнейшее событие в истории самого человека: процесс антропогенеза завершился, человек закончил свое биологическое совершенствование. Перед нами уже, как выражаются антропологи, *homo sapiens*, «человек разумный».

Наиболее типические ископаемые представители этого нового человека были найдены в пещерах Кро-Маньон и Гримальди, во Франции. Весьма близкие между собой по общему строению костяка и черепа, в частности, по вместимости последнего, кроманьонец и гримальдиец обнаруживают некоторые специфические особенности. Произошло еще

одно событие в истории человека — одновременно с образованием «разумного человека» возникли расы.

Расы представляют собой исторически сложившиеся разновидности человека, имеющие ряд внешних физических особенностей. Эти особенности образовались в результате расселения человека, под действием географических факторов, будучи обусловлены исторически сложившимися общественными отношениями. Таким образом, расы отнюдь не изначальны. Если вспомним, уже различные представители неандертальца обнаруживают индивидуальные особенности. В конкретных условиях географические влияния, в силу изоляции различных человеческих групп, закрепили эти особенности, передавая их по наследству и создавая ряд более или менее стойких физических различий в цвете кожи, в строении волос, частично в форме черепа и пр. Так возникли три современные основные расы: европейская, негрская и монгольская. Кроманьонец и гримальдиец являются представителями: первый — европейской, второй — негрской расы. Ископаемого представителя монгольской расы еще не обнаружено, если не говорить о спорной находке черепа, сделанной советскими антропологами в Сибири.

Как сказано, расы отличаются только некоторыми внешними физическими особенностями. Ничего общего не имеют расовые различия с областью физиологии, с размером и строением мозга, с нервной системой и высшей нервно-психической деятельностью. Никакого отношения, следовательно, не имеют расы к разуму, способностям, одаренности человека и пр. Ни о каких «высших» и «низших» расах говорить совершенно не приходится. Все выдумки по этому поводу реакционной лженауки не имеют никаких оснований.

Возникновение рас представляет собой единственный в истории человечества момент, обусловленный на данном этапе сложившейся совокупностью особых обстоятельств. И вместе с тем уже с того самого момента, как расы возникают, изменение этих обстоятельств, развитие общественных отношений, развитие связи между отдельными человеческими группами, их передвижения и смешения — все это предопределяет сразу начинающееся скрещивание и смешение рас, сглаживание и стирание тех особенностей, которые возникшим расам были присущи. В результате, если в дальнейшей истории человека, равно как до сего времени, и сохраняются в общих и широких масштабах некоторые отличия, свойственные каждой из названных трех основных рас, то внутри этих рас существует бесконечное разнообразие переходных типов и вариантов, в отдельных признаках сближающих представителей различных рас. Отсюда образуемые антропологами группы смешанных, вторичных, промежуточных «под-рас», «рас второго порядка» и пр.

Из сказанного ясно, что никаких «чистых» рас, о которых говорит реакционная лженаука, нет и быть не может. Общественно-исторические условия, создавшие расы, продолжают существовать и сейчас, поддерживая в общем сохранение расовых различий. Но непреодолимо совершающееся сближение различных групп человечества, развитие средств сообщения, стирание национальных перегородок и пр., — все это ведет к грядущему в конечном счете исчезновению рас.

Вернемся теперь к памятникам ориньяко-солютрейской культуры.

В области техники мы находим здесь значительный подъем по сравнению с предшествующей, мустьерской, культурой. Гораздо выше стоит прежде всего, обработка камня: к примитивной оббивке или скальванию присоединяется особый, дающий орудия более точные и детальные формы прием — отжим. Широко распространяется использование нового материала — кости и рога. Широко применялось в эту эпоху также и дерево: форма ряда встречающихся на ориньяко-солютрейских стоянках

каменных и костяных изделий говорит о том, что они были рабочими частями орудий, насаживавшимися на деревянные рукоятки. Это — важный этап в развитии техники: переход к составному орудию и оружию. Стоянки данной стадии отличаются обилием находимых здесь предметов: производство развивается. О том же говорят обнаруженные здесь своего рода «мастерские» для добывания кремня и выделки орудий, в частности, лежащие отдельно кучи мамонтовых бивней, как бы собранных прозапас. В общем, весь набор орудий и оружия ориньяко-солютрейской эпохи несравненно богаче и разнообразнее, чем то, чем обладал мустьец. На смену универсальности, свойственной двум в сущности видам орудий Мустье, мы видим здесь уже специализированный и относительно разнообразный набор орудий и оружия: помимо сохраняющегося тяжелого каменного ударника, — нож, копье, дротик, разнообразные резцы, скребок, шило. В одном из памятников ориньякской культуры, в пещере Спи, в Бельгии, обнаружены черепки грубо сделанных глиняных сосудов. Таким образом, уже в эту эпоху, хотя бы только в данной местности, зародилось еще одно культурное достижение человечества — *гончарство*. Не редки находки в памятниках этой эпохи костяных иголок. В одном из памятников солютрейского слоя, в пещере Плакар, на юге Франции, найден футляр из птичьей кости с содержащимися в нем костяными иглами. Здесь же был найден и костяной рыболовный крючок.

Развитие техники, в частности, усовершенствование метательного оружия повело к развитию охоты. Об этом говорит ряд особенностей ориньяко-солютрейской культуры. Громадное скопление на отдельных стоянках костей определенных видов животных свидетельствует о развитии массовой охоты преимущественно на крупных стадных животных — мамонта, дикую лошадь, северного оленя. Скопление остатков этих животных доходит на некоторых европейских стоянках Ориньяко-солютре до тысяч особей. Очевидно, человек этого времени, помимо оружия, весьма широко прибегал и к облавам, загонам, западням и прочим способам добычи зверя. Наряду с развитием охоты рыболовство в данную эпоху остается еще малоразвитым.

Охота приносит теперь значительную обеспеченность средствами существования. А это дает человеку возможность сделать еще один шаг по пути культурного прогресса — перейти хотя бы к относительной оседлости. И об этом наглядно свидетельствуют памятники ориньяко-солютрейской культуры. Стоянки данной эпохи говорят о том, что человек теперь оставался на одном месте в течение довольно длительного времени. При этом стоянки расположены уже не в пещерах, как в предшествующую эпоху, а преимущественно на открытых площадках, под защитой скал. Вместе с началом оседлости и открытыми стоянками ориньяко-солютрейская стадия знаменуется появлением прочного жилища в виде основательно сооруженной землянки, вымощенной плитами и укрепленной камнями. Отдельные стоянки данной эпохи состояли из нескольких землянок, образуя маленький поселок, население которого доходило, вероятно, до ста человек взрослых. Судя по наличию костяных иголок, человек сделал сейчас еще одно немаловажное завоевание — научился шить. Сшитые шкуры зверей могли употребляться как для покрытия жилища, так и для защиты тела. Итак, человек обзавелся еще одним достоянием культуры — возникла одежда. Ориньяко-солютрейский человек широко пользовался огнем: как на стоянках, так и в жилищах этой эпохи встречаются остатки не только костров, но и очагов или печей. Однако непосредственных следов умения добывать огонь мы все еще здесь не имеем.

Памятники ориньяко-солютрейской культуры не могут сами по себе сказать что-либо об общественном строе данной эпохи. Но мы имеем

все основания предполагать, что именно на этом переломном рубеже истории человечества развитие техники и усложнение хозяйства привели к коренному преобразованию и общественного устройства. Новые формы хозяйства потребовали смены непостоянного, легко распадавшегося первобытного стада более устойчивым и прочным коллективом. Спайку и форму этому коллективу дало кровное родство. Именно к данному этапу истории человечества следует отнести возникновение новой формы соединения человека — родовой общины, ставшей отныне основной общественной формой первобытного строя.

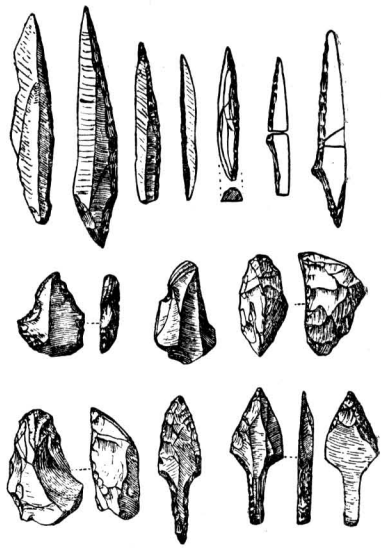
Еще одна замечательная черта культурного подъема обнаруживается в памятниках ориньяко-солютрейской эпохи. Мы имеем здесь яркую вспышку изобразительного искусства. На стоянках данной эпохи находят большое число образцов примитивной скульптуры и рисунка. Находимые здесь просверленные зубы животных и некоторые иные изделия говорят о возникновении и украшений. Наконец, ряд признаков, в частности, положение скелетов и некоторые мотивы рисунка, говорят о том, что на данной стадии возникла уже и религия.

К вопросам возникновения и развития искусства и религии, как и общественных форм, мы обратимся в дальнейшем.

Итак, мы имеем в ориньяко-солютрейской культуре внушительную картину, можно сказать, грандиозного подъема во всех областях культуры. Мы находим здесь вместе с тем и картину культуры зарождающегося родового общества.

Совершенно иное и вполне специфическое толкование ориньяко-солютрейской культуры предлагают некоторые буржуазные археологи. Останавливаясь в изумлении перед этим расцветом культуры в каменном веке и чуждые представления о диалектике исторического процесса, они прибегают к излюбленной ими для объяснения многих явлений первобытной истории теории миграций и завоеваний. Так и ориньяко-солютрейская культура толкуется ими в качестве создания «новой расы», новых племен, а именно, «высокоодаренных» кроманьонцев, вторгшихся в Европу из Африки или Азии и покоривших якобы «отсталых» мустьерцев. Не приходится говорить, что для такого толкования нет никаких данных и никакой почвы.

Как уже было сказано, все современные отсталые племена и народности сравнительно далеко ушли от подлинной первобытности. Таким образом, даже самые отсталые из этих племен по ряду признаков стоят все же выше, чем кроманьонцы и гримальдийцы. Единственным подходящим живым примером того культурного состояния, которое представлено в ориньяко-солютрейской стадии, могут служить тасманийцы. Да и это — весьма условно и относительно. Тасманийцев сейчас не существует. Жесточайшие приемы европейской колонизации, начавшейся примерно в двадцатых годах XIX в., с необычайной быстротой привели к полному уничтожению всего туземного населения Тасмании. Уже в 1854 г. оставалось всего 16 тасманийцев: трое мужчин, одиннадцать женщин и двое детей. Последняя чистокровная тасманийка умерла в 1877 г. Этими

Ориньяко-солютрейская культура.
Каменные орудия

трагическими обстоятельствами и крайним невежеством ранних колонизаторов Тасмании объясняется то, что о культуре тасманийцев сохранились лишь весьма неполные и к тому же не редко противоречивые сведения.

Тасманийцев можно считать наиболее отсталой группой человечества, которая только известна этнографии. В антропологическом отношении они, хотя и обнаруживают некоторые примитивные черты, представляют собой, конечно, вполне современного человека и во всяком случае — тип более развитый, чем кроманьонцы и гримальдийцы. Решающую роль в культурной отсталости тасманийцев сыграли как условия естественной среды, в которой жили тасманийцы, так и их вековая изолированность. Поэтому культура их не может быть совершенно аналогичной ориньякско-солотрейской. Взять хотя бы то, что в Тасмании почти не встречается кремня, почему тасманийцам приходилось делать свои каменные орудия из плотного песчаника. А это обуславливало другие формы изделий и иную технику обработки. Все же, авторитетные археологи сближают каменные орудия тасманийцев с ориньякскими. Вместе с тем в каменном инвентаре тасманийцев довольно обильно представлены, очевидно переживающиеся, орудия более архаического—мустьерского типа. Если здесь нет недоразумения, то, судя по некоторым показаниям, техническая отсталость тасманийцев выражалась и в том, что они не знали сложного орудия и оружия, т. е. не умели придавать каменной рабочей части орудия деревянную рукоятку или каменный наконечник копью. Материалом для орудий, оружия и утвари служили тасманийцам камень, дерево, раковины, шкура, кожа и растительное волокно. В очень незначительной мере — чем они резко отличаются от ориньякцев — использовали тасманийцы кость. Это очевидным образом объясняется тем, что в Тасмании нет крупных животных и, следовательно, — подходящего материала. Мамонтовых бивней, которыми был так богат кроманьонец, у них ведь не было.

При таких условиях технический инвентарь тасманийцев состоял, насколько имеются об этом данные, из следующих видов орудия и оружия: каменных ручных рубил, остроконечников и иных неопределенной формы режущих орудий, деревянной дубины или палицы (ручной и особой формы — метательной), копьяд целиком деревянного, палки для выкапывания съедобных корней и деревянной лопатки, которой женщины отрывали от скал моллюсков. Деревянные изделия обрабатывались каменными орудиями либо раковинами. Копье изготовлялось из побега твердого дерева, который распаривался на костре и выпрямлялся, затем обстругивался простым осколком камня, каменным скребком или раковиной. Конец копья обжигался на огне. Огонь добывался трением деревянной палочкой. Прирученной собаки тасманийцы не знали. Утварь состояла из сумок, корзин и пр., сплетенных из травы или волоса. Из того же материала плелись веревки. Из длинных сухих листьев одного из местных растений тасманийские женщины плели такие плотные корзинки, что они могли служить вместилищем для воды. Жилищем служило нередко дупло большого дерева, а чтобы его расширить, это дупло еще выжигалось. На стоянках сооружали легкий заслон из веток или из коры, — защиту человека и его костра от ветра, либо столь же примитивный шалаш из кольев, которые покрывались ветками.

Средства существования добывались тасманийцами путем собирательства, охоты и рыболовства. Собирали съедобные растения, корни, плоды, ягоды, мелких животных, ящериц, раков, улиток, моллюсков. За отсутствием в Тасмании крупных животных, охота ограничивалась главным образом кенгуру и опоссумом, морская охота — тюленями. При охоте на кенгуру широко применялись облавы и загоны с поджига-

нием травы. Охота на опоссумов и тюленей составляла специальность женщин. С исключительной ловкостью, делая каменным рубилом зарубки на гладком стволе дерева и перебрасывая закинутую за ствол или ветви веревку либо кожаный ремень, влезали тасманийки на высокое дерево и вытаскивали скрывавшихся между ветвями опоссумов. С такой же ловкостью подкрадывались они к греющимся на солнце тюленям, подражая всем их движениям, и убивали одним ударом простой дубины. Неоднократно говорилось о том, что тасманийцы не знали рыболовства и совершенно не ели рыбы. Это — недоразумение. Ссылаются на то, что тасманийцы не имели сетей и крючков. Но они ловили рыбу просто руками или корзинами, как это делают многие другие отсталые племена. Впрочем, некоторые авторы говорят о наличии у тасманийцев и сетей, и рыболовных крючков из кости и раковин. Имелись у тасманийцев и зачатки судоходства в виде плотов и лодок из древесной коры, скрепленных веревками. Пища, растительная и животная, употреблялась в сыром виде и жарилась. Большую часть года тасманийцы оставались совершенно нагими и лишь во время холодов накрывались шкурой кенгуру. Широко было распространено натирание тела смесью жира с охрой, что в свою очередь служило, вероятно, целям защиты от холода, а пожалуй, и от насекомых.

К сожалению, почти ничего не известно об общественном строе тасманийцев. Судя по отдельным показаниям, это был родовой строй в самой ранней фазе своего развития. Брак в пределах рода не допускался, т. е. действовал порядок так называемой экзогамии. Соединение родов составляло племя, представлявшее собой изолированную группу. Каждое племя кочевало в пределах определенной территории, границы которой были хорошо известны и самому племени, и его соседям. Неприкосновенность этих границ соблюдалась строжайшим образом. Судя по указаниям на то, что стоянки тасманийцев состояли из 3—4 хижин, отдельные کوچующие группы их были не велики.

Тасманийцы обладали уже некоторым запасом знаний. Они были великолепно знакомы со своей и соседними местностями, хорошо знали повадки зверя, не чужды были и примитивной медицины: им было знакомо кровопускание, которое делалось путем надрезов кожи и применялось по поводу самых различных недугов, знали они и слабительное, для чего употребляли одно из местных растений.

Изобразительное искусство тасманийцев выражалось в условном рисунке черной и красной краской и некоторых попытках реалистического рисунка. Раскрашивали они и собственное тело. Неизвестное значение имела татуировка в виде рубцов на коже. Навесные украшения состояли из зубов кенгуру, ожерелий из мелких раковин, а то и простой веревочки или полоски меха. Как женщины, так и мужчины украшали свои головы венками из цветов и птичьими перьями. Широко были распространены празднества, так называемые «корробори», которые устраивались в особенности во время полнолуния и сопровождались пением и плясками. Единственным инструментом был барабан, обтянутый кожей.

Наконец, не чужды были тасманийцы и религии. Отдельные роды не употребляли в пищу определенные виды животных или рыбы. Вероятно отсюда-то и идет ошибочное мнение о том, что они вовсе не ели рыбы. Они верили в добрые и злые силы, последних боялись, в особенности ночью. Умерших зарывали в землю или прятали в дуплах деревьев. Практиковалось у них и сжигание трупов, причем пепел зарывался в землю и над могилой устраивалось нечто вроде шалаша из кольев и коры.

Если мы пытаемся сопоставить культуру тасманийцев с ориньяко-солютрейской, то надо еще раз подчеркнуть, что сближение этих культур и в силу недостаточности данных, и по существу остается крайне услов-

*ным. Еще раз надо сказать, что большую роль, определяющую различия этих культур, играет географическая среда. Тасманийцы были окружены несравненно более скудными природными условиями, чем ориньякцы. Судя по всем данным, пищи у тасманийцев, соответственно их потребностям, было достаточно. Численность их была не велика. Ее определяют к моменту их первого столкновения с европейцами в 8 тыс. человек. Это, при общей площади Тасмании в 67 898 км², дает 8,5 км² на одного человека. При таких условиях кормовая область каждого племени была, очевидно, вполне достаточной для его прокормления продуктами собирательства, охоты и рыболовства. Но того обилия пищи, в особенности мясной, которое давали крупные стадные животные ориньякцу, у тасманийцев не было.

В общем все же просмотренные нами картины ориньяко-солютрейской и тасманийской культур могут, хотя бы очень условно, дать нам приближенное представление о состоянии первобытного человечества на стадии раннеродового строя.

